

Мари-Од Мюрай

Мисс Черити

Мари-Од Мюрай
Мисс Черити

«Самокат»

2008

Мюрай М.

Мисс Черити / М. Мюрай — «Самокат», 2008

ISBN 978-5-91759-570-2

На четвертом этаже лондонского особняка живет маленькая Черити Тиддлер. На календаре – конец XIX века, и, стало быть, все цели в жизни юной леди предопределены: приличное образование – пение, танцы, музыка, рисование, вышивание – и удачное замужество. Но во все времена рождаются девочки, которым интереснее изучать окружающий мир и его обитателей, чем наряжаться и охотиться за мужьями. Черити – из таких. С ранних лет ей живется одиноко, но вовсе не скучно. Ведь вокруг столько всего интересного: и жабы, и мыши, и улитки, и ежи, и птицы... Благодаря любознательности, здравомыслию и чувству юмора, а также мастерскому владению акварелью Черити становится детской писательницей и иллюстратором – как знаменитая Беатрис Поттер, чья жизнь вдохновила Мари-Од Мюрай на создание этого романа.

ISBN 978-5-91759-570-2

© Мюрай М., 2008

© Самокат, 2008

Содержание

1	6
2	13
3	19
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мари-Од Мюрай

Мисс Черити

Посвящается Сильви Жан-Орийон.

Благодарю за участие кролика Беатрис Поттер, ворона Чарльза Диккенса, Оскара Уайльда и Бернарда Шоу.

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

MARIE-AUDE MURAIL

MISS CHARITY

© 2008 l'école des loisirs, Paris

© Н. Бунтман, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление, ООО «Издательский дом «Самокат», 2017

1

В детстве дни уныло сменяли друг друга и быстро забывались. Разве что один зимний воскресный день 1875 года отличался от остальных – видно, потому он и застрял в моей памяти. Мне скоро пять. Утро, как всегда, началось с маминого допроса.

МАМА (*читает*)

Что является главной целью жизни человеческой?

Я (*монотонно, наизусть*)

Познать Бога.

МАМА (*читает*)

Почему?

Я (*монотонно, наизусть*)

Потому что Он сотворил нас, чтобы мы восславляли имя Его.

Не найдя к чему придраться, мама захлопнула «Духовного наставника ребенка». Потом обратилась к развернутой над креслом газете.

МАМА

Пойдете ли вы в церковь?

ПАПА

Полагаю, нет.

Хоть бы раз мама задала мне тот же вопрос.

В тот день проповедь преподобного отца Донована зиждилась на словах пророка Иезекииля «И грешник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно и праведно, жив будет, не умрет». Преподобный Донован, любивший удивлять паству неожиданными вопросами, вдруг взревел: «Почему Бог позволяет жить грешнику, если он того не заслуживает?» Мне показалось, что он обращается прямо ко мне, и я открыла было рот, силясь вспомнить, что же по этому поводу говорит «Духовный наставник». Но преподобный Донован тотчас вспомнил сам: «Потому что Бог всемилостив!» Уф-ф.

ПРЕПОДОБНЫЙ ДОНОВАН

А почему я говорю, что Бог всемилостив?

Любознательность этого человека не ведала границ.

Мои веки постепенно смыкались, глаза закрылись. Кончилось тем, что я уснула и грохнулась со стула как колода. По дороге домой мама размышляла вслух, сможет ли она после такого позора когда-нибудь еще взять меня с собой в церковь. И тогда наконец я смогла ответить как папа:

Я

Полагаю, нет.

После обеда мы принимали гостей. Это были те же дамы, с которыми мы виделись утром в церкви. Они пытались о чем-то меня спрашивать, но я стеснялась, и вскоре про меня все забыли и перешли к беседе о более важных вещах.

МИСС ДИН

Вы заметили, что миссис Каррингтон была в светло-сером? А ведь бедный мистер Каррингтон всего полгода как скончался!

МАМА

Он, верно, в гробу переворачивается.

Я украдкой взглянула на собственное платье: хорошо, что я в черном с головы до пят! Я носила траур по бабушке, и он, в отличие от мистера Каррингтона, наверняка был счастлив в своем гробу. Я сидела в креслице в углу и болтала ногами. Но тут мне понадобилось кое-что уточнить.

Я (маме)

А разве через полгода после смерти мы не превращаемся в скелеты?

МАМА

Прекратите болтать ногами.

МИСС ДИН

Может, вы нам почитаете, миссис Тиддлер?

Мама поднялась и пошла за Библией. Книга раскрылась на заложенной странице.

МАМА (*читает*)

Иезекииль, глава 37: «И Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля, и оно было полно костей, и обвел меня кругом около них, и вот весьма много их на поверхности поля, и вот они весьма сухи. И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии?»

Я вздрогнула и обвела взглядом дам, склонившихся над вышиванием. Я была единственным ребенком в гостиной, да и во всем доме. А могла бы сидеть между двумя сестрами. Но Пруденс, старшая из нас троих, отказалась дышать спустя три часа после рождения. А Мерси, пришедшая в этот мир двумя годами позже, продержалась в нем чуть больше недели.

МАМА (*читает*)

«Вот, Я открою гробы ваши и выведу вас из гробов ваших».

В тот воскресный день я услышала, как сестрички, пользуясь тем, что Иезекииль проветривает могилы, зовут меня поиграть. Два скелетика, сложивших тонкие ручки-косточки в жалобной мольбе. Никто на меня не смотрел, так что я соскользнула с креслица и вышла из гостиной.

Столовая была погружена во мрак. Тяжелые багровые шторы не раздвигались со вчерашнего вечера. Спинки высоких стульев будто предлагали схоронить меня от докучливых гостей. Можно было вернуться в залитую светом гостиную, но сестры следовали за мной по пятам, умоляя с ними поиграть. Поэтому я шла дальше по темной комнате, заставленной мебелью красного дерева. Вдруг моя нога зацепилась за ножку стула, и я грохнулась на четвереньки. Но почему-то под рукой у меня оказался не шероховатый шерстяной ковер, а теплый шелковистый клубочек, издавший жалобный писк. Он шевельнулся, и я непроизвольно сжала пальцы. Меня охватило ликование – я встала и помчалась, бережно неся трепещущий клубок в ладонях, через библиотеку к себе, в детскую, на четвертый этаж!

Я обошла всю комнату в поисках подходящего места для моей добычи. Куда бы ее спрятать? В кукольный домик? В ящик комода? Нет, лучше сюда! В шляпную картонку! Я положила зверушку на дно картонки и наконец внимательно ее рассмотрела. Тонкая острая мордочка, миниатюрные дрожащие лапки, глазки как глянцевые кофейные зерна – какая прелесть! А хвост такой длинный, чешуйчатый. Но как же к ней обращаться? До сих пор меня окружали только люди, причем взрослые, поэтому я понятия не имела, как разговаривать с животными.

Я

Добрый день, меня зовут Черити Тиддлер. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете. Очень рада с вами познакомиться.

ГОЛОС У МЕНЯ ЗА СПИНОЙ

С кем это вы там говорите?

У Табиты по воскресеньям был выходной, но она уже вернулась.

Я

Я не знаю. Кажется, с мышкой.

Няня подошла к шляпной картонке и пробормотала: «Силы небесные!» Она ужасно боялась всех мохнатых, пернатых и чешуйчатых тварей, которые бегали, летали или ползали. Когда она увидела у меня в ладонях мышку, ее передернуло от отвращения: «Фу, мисс Черити!» Но по крайней мере она не стала требовать, чтобы я убила своего найденыша или выкинула его на улицу.

ТАБИТА

Закройте крышку и живо бегите в гостиную! Матушка зовет.

Перед тем как отправить мышку во тьму шляпной картонки, я полюбовалась ею еще раз. Потом умоляюще взглянула на няню.

ТАБИТА

Фу, мисс Черити!

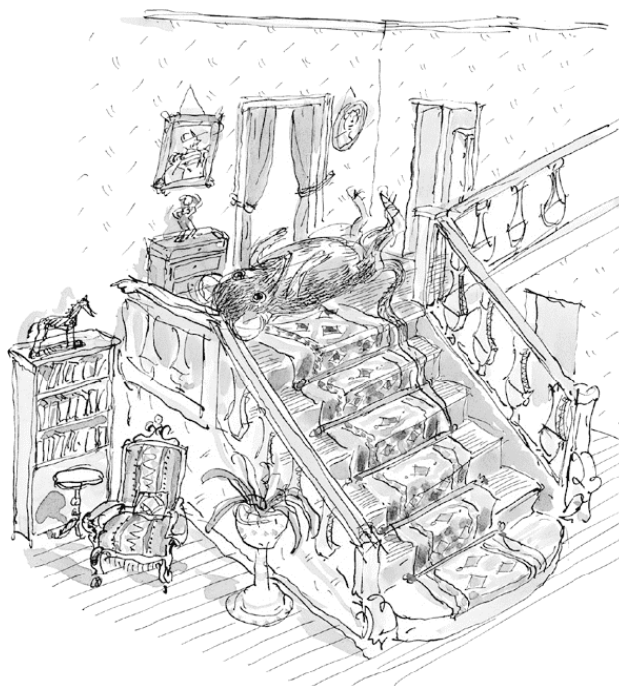
Снова услышав эти слова, я немного успокоилась: значит, Табита хоть и не одобряет меня, но выдавать не собирается. На следующий день она даже раздобыла клетку. Не думаю, что Табита покрывала все мои проделки только по доброте душевной. Скорее она считала меня ребенком испорченным и, чтобы лишний раз в этом убедиться, сама же подбивала меня на проказы.

Мышка, которую я нарекла «Мадам Петипа», не все время сидела в клетке. Я часто оставляла дверцу открытой, и Мадам, пользуясь случаем, высовывала оттуда нос и топорщила усики. Она дерзко взбиралась по руке на плечо, щекотала шею и путалась в волосах. Я старалась кормить ее здоровой пищей, свежими овощами и птичьим кормом. Но она все равно потрошила мою тряпичную куклу и грызла отвороты кожаных ботинок. А когда я ее отчитывала, она садилась на задние лапки, сворачивала хвостик колечком и начинала умываться так потешно и грациозно, что было невозможно долго на нее сердиться. К тому же она оказалась прирожденной акробаткой: ей приглянулся кукольный домик, и она юркала в него через окно, карабкалась по лестнице и выбегала через слуховое окошко. Усатая мордочка то вдруг появлялась в каминной трубе, то исчезала, будто кто-то дергал Мадам снизу за хвост. Внутри она тотчас принялась наводить свой порядок – обглаживать кукольную мебель и разбрасывать по полу помет, похожий на маленькие колбаски.

Спустя некоторое время Мадам Петипа представила мне свою приятельницу – Мисс Тютю, поменьше и поокруглее. Кроткая Мисс Тютю могла тихо просидеть все утро в моем кармане, но по ночам я слышала, как обе носятся по детской и пищат. «Просто нашествие какое-то!» – причитала Табита. Но это было только начало.

Мир вокруг меня, казавшийся раньше мертвым и иссохшим, как кости из книги пророка Иезекииля, был на самом деле полон жизни. В заброшенном саду позади нашего дома таились сокровища: птичьи гнезда и кротовые норки, муравейники и пруд с головастиками.

Однажды мне прямо в руки свалился птенец, и я отнесла его в детскую с таким же ликованием, какое испытала в день знакомства с Мадам Петипа. Я устроила его в коробке, выстеленной сеном из яслей нашей старой кобылы, и принялась впихивать в него хлебные шарики, размоченные в молоке. На следующий день он умер: я перекормила его овсянкой. Конечно, я горевала по нему, но не так сильно, как по Мадам Петипа. Ее сгубило обжорство. На десерт она любила полакомиться свечными огарками; и вот однажды, карабаясь по канделябру, она сорвалась и рухнула вниз. Я помогла ей встать на лапки, и она удалилась нетвердой походкой. В тот же вечер я нашла окоченевший трупик на лестнице ее любимого кукольного домика.

Вечный круговорот рождений и смертей стал первым уроком, который преподнесла мне жизнь. В день похорон Мадам Петипа я полезла в карман за носовым платком, но вместо него достала слепого крохотного слизнячка, при виде которого няня в ужасе закричала. Мисс Тютю разродилась в кармане моего фартука восемью крошечными мышатами, и более опытный натуралист на моем месте наверняка бы задумался, точно ли мышь Петипа была Мадам.

На другое утро, едва проснувшись, я подбежала к фартуку. Увы, карман был пуст – мышата исчезли. Тогда я винила во всем Табиту, но, познакомившись с мышами ближе, поняла, что Мисс Тютю сама же и слопала свое потомство. После такого мышеубийства она уже не осмелилась показаться мне на глаза.

В то время мы жили в новом доме на такой же новой улице Западного Бромптона. Лондон, разрастаясь, постепенно поглощал пригород, но из окна детской все еще виднелись луга и сады. Иногда появлялись и дикие звери. Припоминаю, как однажды к нам в сад через ограду забрался ежонок, вероятно, сбежавший от матери-ежихи. Я принесла его в подоле фартука домой, назвала Диком и накормила молоком и сырыми яйцами. Дик свернулся клубком в гнезде из листьев, которое я ему соорудила, и замер. С видом знатока я пояснила Табите, что еж впал в спячку.

Дик так преуспел в искусстве спячки, что стал твердым как камень и в конце концов начал разлагаться. Невыносимый запах разлился по детской.

Дика сменил Джек, с ним мне повезло больше. Выяснилось, что Джек – любитель поесть, его отменный аппетит прорезался после того, как я обнаружила его страсть к хрустящим улиткам. Джек жил у меня больше пяти лет, но однажды таинственным образом исчез – возможно, выбросился из окна.

Я обожала лечить животных, и такая возможность подвораживалась мне довольно часто. Однажды я подобрала красивого дрозда с сломанным крылом. Из палочек и шнурков я соорудила шину: я решила, что надо обездвижить крыло, пока мать-природа будет делать свое дело. История с птенцом, который подавился овсянкой, кое-чему меня научила, поэтому дрозд получал земляных червей, нарезанных аккуратными кружочками. Через несколько дней мать-природа доделала свое дело – дрозд скончался.

Позже, поразмыслив, я поняла, что черви, слизняки и улитки, которыми я пичкала птиц и ежей, – тоже творения природы и достойны самого пристального внимания. Не уверена, впрочем, что мое внимание их очень радовало.

Как-то дождливым утром я собрала богатый урожай двух видов улиток: желтых с тонкими черными черточками и полосатых с элегантными лаковыми желто-коричневыми бороздками. Я сложила улиток в глиняный горшок, устланный листьями салата, и долго наблюдала, сидя на корточках. Я смотрела, как улитки сбиваются в кучу, склеиваются друг с другом и пытаются выбраться на свободу, выползая из горшка. Когда они подбирались слишком близко к краю, я снимала их и возвращала на дно, что им явно не нравилось. Конечно, я делала это не со зла; я даже искренне жалела одну желтую улиточку с дырявым домиком. Когда наступил вечер, я накрыла горшок с улитками старым решетом, чтобы продолжить свои научные наблюдения на следующий день.

Всю ночь лил дождь. Утром, наскоро проглотив овсянку, я отправилась за новой порцией улиток. Увы! Я не поставила горшок под навес, и несчастные улитки утонули. Уцелели только две, успевшие добраться до решета и зацепиться за него. Я узнала улиточку с дырявым домиком. И сделала научный вывод: тому, кого жизнь испытала на прочность, любые трудности нипочем. Я назвала эту улитку Боб, а приятельницу Боба – Джейн и тайком забрала горшок в детскую. Естественно, выпуская Боба и Джейн порезвиться на полу, я запирала Джека. А когда еж начинал с неприличным хрустом поглощать обед из улиток, то издавая громкое «хрум-хрум», то похрюкивая и пытаясь, я деликатно отодвигала глиняный горшок Боба и Джейн подальше.

Я беспокоилась о здоровье Боба. Из-за дырки в домике он наверняка жил на постоянном сквозняке. Камин в детской топили плохо, зимой было холодно и сыро, и я куталась в платки. Но улитку же в платок не закутаешь. И тогда у меня родилась поразительная для семилетнего ребенка гипотеза. Я знала, что у ящериц отрастает хвост. Почему с домиком улитки не может произойти то же самое? Если так, значит, Бобу нужен строительный материал. Я добавила в его обычный рацион яичную скорлупу. И это полностью себя оправдало: Боб съел скорлупу, и дырка срослась, как у нас срастаются кости после перелома.

Не знаю, как именно погиб Боб. Мои маленькие друзья часто ни с того ни с сего куда-то исчезали. И я, видимо, ошибалась, когда винила в этом Табиту.

В эпоху Боба и Джейн я стала еще и знатоком головастиков, которыми кишел наш пруд. Я ловила их банкой, стоя по колено в жиже, и нимало не беспокоилась о том, что мои рукава мокры, а подол заляпан грязью. То была экспериментальная наука, и я наделала немало ошибок, пока опытным путем не подыскала правильную диету для выращивания превосходных головастиков. И теперь я могу смело рекомендовать вам крапиву, шпинат и желток сваренного вкрутую яйца. Какое чудо – видеть, как головастик отбрасывает хвост и отращивает лапки! С помощью кухарки Мэри я обустроила террариум с десертной тарелкой вместо пруда. В этом террариуме я вырастила из головастика ярко-зеленую квакшу размером почти в пять сантиметров. Но упрямщица отказывалась петь. Каждый день я размахивала у нее перед носом кусочком сырого мяса, изображая охоту на насекомых. Однако квакша на этот обман не купилась и вскоре сдохла от тоски на берегу бутафорского пруда. Вслед за ней появилась серая жаба, очевидно, перенесшая в детстве травму, поскольку прыгала она только вбок. Я тотчас в нее влюбилась и назвала Дорогушей. Однажды, не удержавшись, я даже поцеловала ее, но в прекрасного принца моя жаба не превратилась. Вынуждена признать, что она предпочитала мне слизней.

Дорогуша не жаловалась на здоровье и могла бы прожить у меня лет двадцать. Расстались мы внезапно. Однажды я вынесла банку в сад, чтобы жаба погрелась в первых лучах весеннего солнца. На радостях она выпрыгнула из банки. Похоже, ее саму это удивило не меньше моего. В отчаянии я крикнула «Дорогуша!», но зов природы, видимо, был громче. Три-четыре косых

прыжка – и она скрылась из виду. Мое сердце было разбито. У Дорогуши Номер Два, которая появилась позже, глаза были уже не такие прекрасные...

На восьмом году жизни я завела дневник и стала записывать в него наблюдения за моим маленьким миром.

Свои научные записи я сопровождала рисунками, которые, возможно, слегка приукрашивали действительность.

У читателя может сложиться впечатление, будто я жила в детской в полном одиночестве, в компании мышей да лягушек. И это не далеко от истины. В гостиную меня звали лишь изредка. В ту эпоху (а я родилась в 1870 году) многие родители, в том числе и моя мама, придерживались правила: «Ребенка должно быть видно, но не слышно». Если бы не воскресные допросы о главной цели жизни человеческой, она бы, наверное, и не узнала, какой у меня голос. А он был низковат для ребенка, особенно для девочки, – иногда мама даже вздрагивала, когда я отвечала. Няня и вовсе считала, что это не мой голос.

ТАБИТА

Вашими устами кто-то другой говорит, мисс Черити!..

2

Табита была из Шотландии. Она родилась и выросла в Килликранки, где вересковые пустоши оглашает плач Белых Дам, а призраки их убийц обходят дозором крепостные валы. Мои родители полагали, что в Лондон Табиту привел голод. На самом деле куда более ужасная история заставила ее покинуть родную деревню, но об этом никто не догадывался.

Мама была взыскательна к прислуге, но аккуратная и исполнительная Табита ее устраивала. К тому же она оказалась искусной швеей. Разве что одно маме не очень нравилось: очень уж Табита была красива. Высокая и ладная, с молочно-белой кожей и огненными прядями, выбивающимися из-под капора, моя няня завораживала меня, как завораживают ночные совы и летучие мыши. Она и сама была подобна ночным существам. Впрочем, спать она ложилась рано, сразу после того как укладывала меня: в девять вечера летом и в восемь – зимой. Но и после того как она закрывала за собой дверь, я ощущала ее присутствие. Она не покидала меня даже во сне, и тому было простое объяснение: перед уходом Табита всегда рассказывала мне жуткие, леденящие душу истории.

ТАБИТА

Помните, мисс Черити, историю о Красном Колпаке из Килликранки?

Я

Да. О карлике, который прятался в старых замках?

Табита подоткнула одеяло. Скоро она унесет свечу, и я буду до утра дрожать от страха в холодной постели.

ТАБИТА

А знаете, почему Колпак был... Красный?

Она произнесла последнее слово так свирепо, что у меня перехватило дыхание. Уже напуганная, я помотала головой.

ТАБИТА

Мне было столько же, сколько вам сейчас, мисс Черити, когда я про это услышала. Мой двоюродный брат (*а ему было около двадцати*) по уши влюбился тогда в Кейт Макдафф, дочку трактирщика.

Табита обожала рассказывать любовные истории с плохим концом: либо соперник закалывал кинжалом влюбленного жениха, либо героиня выпивала отравленный кубок, предназначенный другой. Когда в тот раз Табита принялась с воодушевлением расписывать прелести Кейт Макдафф, я сразу поняла, что жить бедняжке осталось недолго. Джордж, тот двоюродный брат Табиты, тайно обручился с Кейт, потому что ее отец, одновременно и трактирщик, и пьяница, собрался продать дочь старику нотариусу.

ТАБИТА

Кейт с Джорджем встречались по ночам в развалинах замка, принадлежавшего когда-то герцогу Этхоллу. Сам-то замок уж десять лет как сгорел. Осталась только высокая черная башня, и башня та упиралась в облака.

Я не знаю, как Табита научилась читать. Возможно, благодаря «Хроникам ужасов», еженедельному альманаху ценою в пенни, который она регулярно пролистывала. Но свои жуткие истории она рассказывала гладко, как по-писаному. Тем вечером история началась с завывания ветра на песчаных равнинах, мертвенно-бледного света луны и часов на колокольне Килликранки, которые били полночь.

Огонь свечи то и дело вздрагивал от сквозняка, из темных углов детской доносились шорохи, беготня и писк.

ТАБИТА

Зависть к влюбленным обуревают Красного Колпака, он замышляет недоброе. В ту ночь он выследил, как они встретились и уселись под развалинами крепостной стены. Красный Колпак росточком мал, не выше ребенка, но крепок и широк в плечах. И вот он забирается на стену прямо над ними, высматривает камень побольше и начинает изо всех сил толкать его плечом, чтобы скатился вниз и раздавил их, – а камень-то огромный, никак не сдвинется с места. Тогда карлик подsunул под него свой меч... Ну что, упадет камень или не упадет?

Я

Упадет. Но ведь Джордж должен был услышать шум?

ТАБИТА

Он и услышал! И успел увернуться. А вот бедняжке Кейт камень раздавил ноги. У Джорджа не достало сил его сдвинуть, и он побежал в деревню за подмогой. А тем временем Красный Колпак кубарем скатился с крепостной стены, чтобы обогреть свой колпак в крови жертвы. Оттого-то он и был у него такой красный, колпак. Доброй ночи, мисс Черити!

Я *(в возмущении)*

А что было дальше с Джорджем и Кейт?

ТАБИТА

Когда Джордж вернулся с трактирщиком, нотариусом и остальными жителями, Кейт уже умерла, истекла кровью. Моего брата обвинили в убийстве и повесили. Старый нотариус взял в жены Эмили Макдафф, сестру Кейт; она была младше, но не такая красавица. А трактир Макдаффа с тех пор называется «У Красного Колпака».

Истории Табиты были не просто страшны – хуже всего, что в них торжествовали злодеи. Она была твердо убеждена: на грешной земле зло всегда побеждает. «Не беспокойтесь, – говорила мне Табита, – у вас-то непременно все сложится хорошо, вы ведь – скверный ребенок».

Даже мой голос, считала она, – от беса, которым я одержима.

ТАБИТА

В вас живут три демона, мисс Черити: Азазель, Бафомет и Астарот.

Признаться, меня это вполне устраивало. Когда я возвращалась из сада после охоты за головастиками, грязная и промокшая, у меня уже было готовое оправдание:

Я

Это меня Азазель надомил.

Табита видела демонов во всех подобранных мною тварях. Ящерицы, ужи и майские жуки были неоспоримым доказательством моей одержимости. Джулиус убедил ее окончательно. Джулиус – это черная крыса, которую я успешно приручила. При виде его Табита вздрагивала от ужаса и подбирала юбки.

Длиннющий хвост придавал Джулиусу сходство с веретеном, блестящая шерстка всегда была безупречно вылизана, а ярко-розовые лапки напоминали леденцы. Он любил вскарабкаться по руке мне на плечо или нырнуть в рукав. Я дразнила его кончиком карандаша, когда рисовала, и он принимался его грызть. Черный Джулиус был игрив и ласков, как комнатная собачка.

Как я уже говорила, когда мне исполнилось восемь, моя любовь к животным переросла в настоящий научный интерес. Теперь я собирала в шкатулки пустые ракушки и змеиные шкурки. Однажды мне посчастливилось найти свежий трупик мышки-соня, и кухарка Мэри помогла мне его препарировать. Точно зная, что мама в гостях, а папа в клубе, я устроилась на кухне и полчаса кипятила сою. Перед тем как начать реконструкцию скелета, я тщательно удалила плоть с костей. Вид этих косточек, тонких как спички, растрогал меня до слез. Мышь-соня – очаровательное создание. Я нанизала скелет на проволоку, но результат вышел таким безобразным, что я разрыдалась.

«Бедняжка», – пожалела меня Мэри.

Она была очень добра ко мне. Если мне и есть за что ее упрекнуть, то только за рисовый пудинг и за эту «бедняжку», как она меня постоянно называла. Я вовсе не чувствовала себя бедняжкой, ведь моя жизнь была так увлекательна.

Как-то раз я отправилась на рынок вместе с Мэри и выкупила у мальчишки чуть живого одноглазого соловья. В моих руках уже перебивало много птиц, все они вскоре помирали. Но Циклоп определенно хотел жить. Как только он поднабрался сил, я перестала закрывать клетку. Несколько дней он прыгал туда-сюда и летал по детской, пока одним солнечным утром не уселся на подоконник. Он склонил голову набок, будто пытаясь определить единственным глазом расстояние до земли.

Я

Лети! Ты же умеешь.

И он улетел. Циклоп был первым, кого мне удалось по-настоящему спасти. Той же ночью из темноты до меня долетела его благодарная песня. А может, мне это приснилось.

В другой раз мы с Мэри поехали на рынок покупать кролика.

МЭРИ

Ваш папа их очень любит.

Да, но только в виде паштета. Мясник выхватил кролика, на которого указала кухарка. Упитанного, щекастого, с блестящими глазками. Вместо лакомого паштета он мог бы стать моим домашним любимцем. Я умоляюще сложила руки.

Я
О Мэри, пожалуйста, не убивайте его сразу!

Кролик получил отсрочку приговора, и, как только он оказался в безопасном месте, то есть в детской, я начала подбирать ему имя.

ТАБИТА
Назовите его Паштетом. Пусть привыкает.

Я последовала ее совету. Паштет оказался пугливым, что было вполне объяснимо в его положении. Но я умела завоевывать доверие даже самых робких существ. Вскоре Паштет уже ел у меня из рук кружочки морковки.

ТАБИТА
Ну вот, он уже поедает гарнир к самому себе!

Кажется, у Паштета был чудесный белый хвостик, похожий на комок ваты; хотя у меня потом было столько длинноухих друзей, что я вполне могу его с кем-то путать. Но точно помню, что Паштет панически боялся Джулиуса. Завидев издали черную крысу, он топорщил уши и барабанил по паркету задними лапками, будто предупреждая сородичей об опасности. Выполнив таким образом свой долг, он удирал под кровать и прятался там, словно в норе. Оттуда его и вытащила Мэри утром в понедельник, чтобы унести на место казни. Я никогда не капризничала, поэтому моих слез никто не увидел.

МЭРИ
Хотите, отдам вам потом шкурку?

Я помотала головой. А Табита попросила себе лапку – на счастье. Этой драмой завершился восьмой год моей жизни.

В канун девятого дня рождения я вырвала из дневника научных наблюдений чистый лист и написала себе письмо, чтобы прочесть его в день двенадцатилетия:

*Любезный друг,
когда Вы откроете это письмо, Вы уже будете настоящим ученым и наконец-то научитесь правильно рисовать ежей.*

Вы перестанете бояться темноты, в которой прячется Красный Колпак, и своих сестренек – которые ангелы на небесах, а вовсе не скелеты в могилах. Табита разрешит Вам погостить в саду скворечник, а Мэри отдаст Вам кролика, а не зарежет его, как в прошлый понедельник. Вы будете очень счастливы, но, дабы Вы не забывались, напомню Вам, что за это время Вы ничуть не похорошели.

*Ваша преданная
Черити Тиддлер.*

Овсянки и рисового пудинга в мой день рождения подавалось ровно столько же, сколько в любой другой день. Разница была лишь в том, что меня звали обедать в столовую, и мама объясняла мое присутствие папе: «Черити исполнилось шесть», «Черити исполнилось семь», «Черити исполнилось восемь».

МАМА
Черити исполнилось девять.
ПАПА

Вот как...

Можно было подумать, что он намеревается сказать нечто интересное, но этого не произошло. Застенчивость мешала мне смотреть людям в глаза, поэтому я узнавала папу по подбородку с ямочкой и по бакенбардам, свисавшим до плеч, как уши спаниеля. Я слышала, как мамыны приятельницы шептались о том, что мистер Тиддлер – красивый мужчина. Наверное, так оно и было, но примириться с ушами спаниеля было непросто. Кроме того, в тот день я никак не могла забыть о том, что папа съел моего друга.

Обед начался в полной тишине, как обычно. После ракового супа мама, как ни странно, заговорила обо мне.

МАМА

Леди Бертрам рекомендовала мне одну особу в гувернантки для Черити.

Леди Бертрам, жена лорда Филипа Бертрама, приходилась папе младшей сестрой, а мне – крестной.

ПАПА

Вот как?

Мама подождала с минуту, чтобы папа мог развить свою мысль. Он не стал ее развивать.

МАМА

Черити уже в том возрасте, когда присутствие гувернантки становится необходимым. Вы согласны, Альберт?

Папа тяжело вздохнул: болтовня мамы становилась невыносимой.

Но после рагу из глухаря он наконец высказался.

ПАПА

Тогда придется встретиться с той особой, которую рекомендует моя сестра.

Эта фраза не шла у меня из головы до самого вечера.

Я

Как вы думаете, Табита, гувернантки – хорошие?

ТАБИТА

Знавала я одну гувернантку в Килликранки...

Она поставила свечу и присела на мою кровать. Гувернантку из Килликранки звали мисс Финч. В тридцать лет она поседела как лунь.

ТАБИТА

Она служила у герцога Этхолла, пока замок не сгорел, – была гувернанткой у герцогской дочки. А дочке той было столько же, сколько и вам, но только она была хорошенькая, славно пела и замечательно играла на фортепиано. Ее звали Элен.

Во мне немедленно вспыхнула приязнь к такой добродетельной Элен, но, зная Табиту, я не спешила отдаваться этому чувству.

ТАБИТА

Мисс Финч обучала малышку Элен разным языкам — немецкому, французскому и итальянскому. Элен была способная девочка, так что вскоре ее уже нечему было учить, и герцог рассчитал мисс Финч. И как раз в эту самую ночь и случился пожар. К ужасу мисс Финч, ее маленькая ученица сгорела заживо прямо у нее на глазах. Сама она каким-то чудом избежала карающего пламени. Но с тех пор ее черные как смоль волосы стали седыми.

Табита удалилась вместе с подсвечником, мимоходом добавив, что в Килликранки поговаривали, будто сама мисс Финч и подожгла замок.

3

Леди Бертрам известила, что прибудет к нам в воскресенье на чай. К концу чаепития, когда фарфоровые чашки почти опустели, мне было велено спуститься из детской, дабы крестная могла на меня взглянуть. Моя застенчивость мешала мне ответить ей тем же: я не могла заставить себя посмотреть выше ее плеч.

Крестная осведомилась, играю ли я на фортепиано, умею ли я петь и говорю ли я по-французски.

Я
Нет, леди Бертрам.

Я задумалась, не предъявить ли мне на ее суд свой талант реконструировать скелеты мышей, но крестная заговорила совсем о другом.

ЛЕДИ БЕРТРАМ
Мадемуазель Бланш Легро могла бы исправить это упущение. Она, разумеется, француженка...

И, будучи француженкой, добавила крестная, обладает присущими ее нации снисходительностью и сентиментальностью. Хотя тщеславия или жеманства в ней нет.

Мама обязалась верить меня заботам данной особы, потому что умение играть на фортепиано, петь на итальянском и говорить по-французски оказалось вдруг для меня жизненно необходимым. Я решила, что все эти навыки появятся у меня как по мановению волшебной палочки, и стала с нетерпением дожидаться прибытия чудесной мадемуазель.

Но недели текли одна за другой, а о гувернантке не было ни слуху ни духу. Чтобы чем-то себя занять, я иногда целыми днями считала до десяти тысяч или писала зашифрованные фразы, где буква «Б» обозначала «А», «В» обозначала «Б» и так далее. Так, я записывала в свой дневник «Весь день шел дождь», но выглядело это как «Гётэ ёёоэ щжм епзеэ». Я полагала, что вношу неоценимый вклад в развитие науки.

Уже близился мой десятый день рождения, а гувернантка так и не появилась. Тем временем я сделала чудесное открытие: оказывается, в папиной библиотеке простаивают без дела сотни книг. Разумеется, родители не разрешили бы мне их читать. Но ведь можно и не спрашивать! Как-то утром я прокралась в библиотеку на первом этаже и унесла к себе первый попавшийся том. «Вот», – сказала я няне и положила на кровать «Гамлета».

Я знала, что поступаю дурно, а значит, Табита меня не выдаст.

Конечно, я понимала далеко не все, но читала с огромным интересом.

Датское королевство, в котором взывающий к мести призрак утянул за собой в могилу всех персонажей, наверняка находилось где-то неподалеку от Килликранки. Я выучила пьесу наизусть и уже через пару месяцев могла играть любую роль. Слоняясь из угла в угол детской, я декламировала: «Быть или не быть, вот в чем вопрос. Скончаться. Сном забыться. Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ. Какие сны в том смертном сне приснятся?»¹ Табита пожимала плечами: ну и болтун этот Шекспир! В отличие от нее, Джулиусу монолог очень нравился, и он пугался не меньше моего, когда Гамлет восклицал: «Тут крысы?», – пронзая шпагой ковер. К счастью, кроме Полония за ковром больше никого не убили.

Я (*наизусть*)
КОРОЛЬ. Гамлет, где Полоний?
ГАМЛЕТ. На ужине.

¹ У. Шекспир «Гамлет», акт III, сцена 1. – Здесь и далее перевод Б. Пастернака (*примеч. ред.*).

КОРОЛЬ. На ужине? На каком?

ГАМЛЕТ. На таком, где ужинает не он, а едят его самого. Сейчас за него уселся синклит червей со всей земли. Червь, что ни говори, единственный столп всякого истинного порядка. Мы откармливаем всякую живность себе в пищу и откармливаем себя в пищу червям. Возьмете ли толстяка-короля или худобу-горемыку – это только два блюда к столу, два кушанья, а суть одна.

Я чувствовала в Гамлете родственную мне предрасположенность к естественным наукам.

ТАБИТА (*с отворачиванием*)

Фу, мисс Черити!

Я вернула «Гамлета» в библиотеку и взяла «Бесплодные усилия любви». Не успела я приступить к чтению, как произошло то, чего я уже и не ждала.

ТАБИТА

Гувернантка приехала!

Табита заметила ее в гостиной. Оказывается, мадемуазель Легро на время отлучалась во Францию и вот наконец вернулась.

Я

Как она выглядит?

ТАБИТА

Вылитая мисс Финч.

Если так, то мисс Финч была весьма невзрачной особой. Худенькая, в черном сиротском платье, мадемуазель Бланш Легро выглядела лет на пятнадцать, хотя ей было уже двадцать два. Пепельно-русые волосы, острый носик и маленькие сухие ручки напомнили мне Мисс Тютю.

МАМА

Мадемуазель желает взглянуть на детскую. Она хочет посмотреть, удобно ли там будет проводить занятия.

Моя застенчивость помешала мне воспротивиться. Считая ступеньки, я гадала, что будет, когда гувернантка увидит, кто живет у меня в детской. А там – мои старые друзья еж Джек, черная крыса Джулиус и жаба Дорогуша Номер Два. И новые увлечения: цыплята Цыпа и Дрипа, мыши Дентия и Физия и развеселая одноногая сойка Клювохлоп. В проходной комнатке перед детской мадемуазель вздрогнула, не сразу заметив сидевшую с шитьем Табиту. Няня поднялась.

ТАБИТА

Добро пожаловать, мисс.

И поклонилась гувернантке. Лицо Табиты сияло злорадством. Она предвкушала, как сдадут нервы у миниатюрной француженки при виде черного Джулиуса. На мгновение мадемуазель Легро замерла на пороге детской – вероятно, из-за запаха. Первыми, кого она увидела, были Цыпа и Дрипа, пищавшие от ужаса за решеткой клетки, по которой в поисках входа карабкалась черная крыса. Я хлопнула в ладоши, чтобы отпугнуть Джулиуса. Мадемуазель Бланш побелела как простыня. Но она все-таки пересилила себя и шагнула в комнату, изо всех сил избегая смотреть на скелетик сони, подвешенный на проволоке, и на свернувшегося в клубок Джека.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Мне кажется, нам лучше будет устроиться в библиотеке.

Голос ее дрожал, в глазах застыли слезы. Только необходимость зарабатывать на жизнь удержала ее от того, чтобы пуститься наутек.

На следующий день мы с мадемуазель приступили к французскому языку. «Bonjour, comment allez-vous? Mon nom est Charity Tiddler»². Я быстро, без усилий все схватывала, но мне было неинтересно. Я не понимала, зачем надо учиться говорить, что зовут меня так-то, а лет мне столько-то, – не важно, по-французски или по-китайски. Количество щетинок у гусеницы шелкопряда или анатомия лягушачьей лапки занимали меня куда более.

Уроки фортепиано нагоняли сон. В моей игре было не больше души, чем в механической музыкальной шкатулке. Танцы и вовсе казались мне сущим кошмаром: я была ребенком подвижным, но без малейшей грациозности. Через два месяца у мадемуазель Легро опустились руки. Все было бы хорошо, родись я мальчиком, но девочкой я была безнадежной.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Хотите, будем учиться акварели?

Я

Хочу.

Я безропотно соглашалась на всё. Слово «акварель» было для меня пустым звуком. Но когда она разложила передо мной кисточки из хвоста куницы, китайскую тушь, фарфоровую палитру и открыла коробку с красками, где лежали яркие кирпичики золотисто-желтого, алого, берлинской лазури, изумрудного зеленого, у меня перехватило дыхание. Ничего подобного я раньше не видела.

Мадемуазель начала урок с поисков натуры и выбрала вазу с букетом роз. Она опустила кисточку в чистую воду.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Акварель требует терпения и старательности.

Она вздохнула так, будто знала, что я не наделена ни тем, ни другим. Но я с живейшим интересом слушала ее пояснения и следила за каждым движением. Мазок за мазком на белой бумаге оживал розовый букет.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Тени следует писать в последнюю очередь. Смотрите: чтобы создать серую тень, не стоит смешивать черную краску с белой, выйдет тускло и безжизненно. Вместо этого я сейчас смешаю зеленый и красный, и тогда тень получится теплой.

Меня охватило невыразимое воодушевление.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Хотите попробовать сами?

Я

А можно я нарисую Джека?

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Это кто?

Я

Ежик.

Тогда я впервые услышала, как мадемуазель Легро смеется.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Я боялась, что это крыса! А Джек согласится позировать?

Я

Конечно. Если его разбудить. Он такой лежебока.

² Добрый день, как поживаете? Меня зовут Черити Тиддлер (*фр.*).

Казалось, мое простодушие позабавило мадемуазель Легро. Она объяснила мне, что ежи впадают (далее по слогам) в ги-бер-на-ци-ю, но в мае ги-бер-на-ци-я невозможна.

Я

Возможна, мадемуазель! Джек столбенеет, когда ему вздумается.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Столбенеет?..

Я

Ну, я это так называю. У него это бывает после плотного обеда из улиток и еще после того как мы с ним вволю поиграем. Джек закрывает глаза и почти не дышит. А иногда он начинает икать, как будто ему нехорошо. Тогда я его бужу, а он меня кусает. Постепенно он перестает икать, лапки холодеют, нос высыхает, и между двумя вдохами иногда проходит по нескольку минут. Потрясающе! Сначала я даже думала, что все, он умер. Так что Джек у меня может остолбенеть и в феврале, и в мае.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Надо же! Похоже, вы неплохо изучили своего ежика.

Я *(с гордым видом)*

Я всё записываю в дневник научных наблюдений.

Я покраснела, выдав себя. Мадемуазель Легро положила свою миниатюрную ладошку мне на плечо.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

О, Черри...

Это явно было какое-то ласковое обращение. Но раньше меня никто так не называл, поэтому я не знала, как реагировать.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Мы можем навестить Джека, если... если только...

Я

Джулиус заперт в клетке.

Так между нами впервые установилось полное взаимопонимание. Мы поднялись на четвертый этаж, и мадемуазель Легро, к великому неудовольствию Табиты, зашла со мной в детскую.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Представьте меня своим друзьям?

При виде бедолаги Клювохлопа, одноногой сойки, она растрогалась. Он неловко подпрыгивал, взмахивая крыльями, чтобы удержать равновесие. Ему это плохо удавалось, он падал и принимался гневно стучать клювом по прутьям клетки. Чтобы развлечь мадемуазель Легро, я запустила мышек Дентию и Физию в кукольный домик, где они принялись сновать вверх-вниз по лестнице с весьма деловым видом. Птенцы Цыпа и Дрипа уже выросли в куриц, которых в самом неотдаленном будущем ждала кастрюля с кипятком.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Вам их не жалко?

Я

Видите ли, «мы откармливаем всякую живность себе в пищу и откармливаем себя в пищу червям».

Кажется, ее удивили мои слова. Ну разумеется, она же не перечитывала «Гамлета» так часто, как я.

В это время в комнату незаметно вошла Табита. Обернувшись, мадемуазель, словно зачарованная огненно-рыжими волосами и горящими глазами няни, застыла на месте – в точности как Мисс Тютю в момент опасности. Но тут же, чтобы не показаться недружелюбной, заговорила.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Бедная Табита, как вам, наверное, тяжело чистить все эти клетки.

ТАБИТА

Да будь я проклята, если близко к ним подойду!

После этого няня сложила руки на груди и свирепо уставилась на стол – на принадлежности для рисования. А я отправилась за Джеком, в его любимый закуток за угольным ведром.

Я

Идите-ка сюда, мы вами полюбуемся! Смотрите, мадемуазель, какой он смешной, если поставить его на задние лапки! Настоящий джентльмен. Хотя соня-засоня. О, вот он уже зевает!

МАДЕМУАЗЕЛЬ ЛЕГРО

Печально, что у Джека нет... Я имею в виду, что он один-одинешенек.

Я

Ежики всегда живут поодиночке.

Я положила свою модель на колени мадемуазель Легро. Поначалу она боялась уколоться, но потом Джек уснул, и она назвала его «*se pauvre chéti*»³.

Леди Бертрам оказалась права: как все француженки, мадемуазель Легро была сентиментальна.

³ Милый бедняжка (*фр.*).

4

Зима 1881 года открыла одну из самых необыкновенных страниц моей жизни. Мне исполнилось одиннадцать лет. Мадемуазель уже подружилась с Джеком, а я – с акварелью. Но тут нам пришлось расстаться на рождественские праздники. Крестная пригласила нас с родителями в поместье Бертрам. Предстоящая десятидневная разлука с мадемуазель Легро меня огорчала. Но это было не самое худшее. Что делать с моим зверинцем? Мэри согласилась приносить в детскую зерно и очистки, но только если там не будет Джулиуса. Черная крыса, даже запертая в клетке, приводила ее в ужас. Табита отправлялась поездом вперед нас, чтобы приготовить наши комнаты. После долгих уговоров она согласилась взять Джулиуса с собой, если я его как следует упакую.

Ничего хорошего от предстоящей поездки я не ждала. Как и все взрослые, леди Бертрам была любительницей задавать вопросы. Ее дети – мой кузен Филип и кузины Лидия и Энн, с которыми мне еще только предстояло познакомиться, – наверняка были до крайности избалованы. Все они, особенно Филип, часто болели, поэтому проводили много времени на юге Франции и на Ривьере. По описаниям леди Бертрам, в которых упоминались голубые глаза, белокурые волосы и фарфоровая кожа, я представляла их большими восковыми куклами, с которыми нельзя играть. А о том, что Рождество – это праздник, я не думала вовсе. Мои родители наряжали дома елку, но делали это так буднично и серьезно, словно когда-то поклялись проводить этот день ровно так же, как остальные дни года, и никак иначе. Путешествие по железной дороге было мне не в новинку: я уже ездила на поезде в Рамсгит, и мне запомнились ужасный грохот и сажа.

На станции уже ждал экипаж Бертрамов, чтобы отвезти нас в поместье через белоснежные заиндевевшие поля. Лошади выдыхали из ноздрей пар, приветственно потряхивали головами и явно рвались пуститься вскачь. Усевшись у окна, я закуталась в шаль по самый нос, спрятала ноги в солому и вскоре задремала, убаюканная ритмичным стуком подков по заледевшей земле. Какая-то дама (не леди Бертрам) встретила нас у входа в усадьбу.

ДАМА

Дорогие друзья, добро пожаловать! Какое утомительное путешествие...

Вы, должно быть, продрогли! Позвольте представиться: я – тетушка Дженет...

Да, все зовут меня так, тетушка Дженет.

Леди Бертрам, пояснила она, сама бы нас встретила, но, увы, она не выносит холода.

ТЕТУШКА ДЖЕНЕТ

Я распорядилась, чтобы вам подали ужин. Леди Бертрам непременно присоединилась бы к нам, но, увы, она не выносит переутомления.

Не вынеся холода и переутомившись, леди Бертрам уже отправилась почивать.

На следующее утро, еще до восхода солнца, весь этаж огласили детские крики и топот. Я села в кровати и прислушалась. «Вода! Где горячая вода?» – кричала чья-то няня. «Эй, помогите мне, – хныкал незнакомый малыш. – Я не могу найти мою вторую туфлю!...»

Можно было подумать, что мы в отеле или пансионате. Я была в замешательстве. Тут дверь комнаты распахнулась.

ТАБИТА

Как, вы до сих пор в постели, мисс Черити?! Вы разве не слышали колокол?

Я

Что, пожар?

ТАБИТА

Нет, это тетушка Дженет звонила к завтраку.

Я торопливо набросила на себя вчерашнее нечищенное платье. Я по-прежнему носила траур – теперь уже по бабушке, сменившей дедушку.

ТАБИТА

Причешитесь. Боже, какие у вас с утра опухшие глаза!

Под такие ободряющие речи я спускалась вниз.

На Рождество в поместье Бертрам собралась целая орда детей. Леди Бертрам всех их просто обожала. Но так как она, увы, не выносила шума, занималась ими тетушка Дженет.

ТЕТУШКА ДЖЕНЕТ

Проходите, проходите, Черити. Это ваши родственники!

Она не стала уточнять степень родства. Кого там только не было: крошечный Чарли, малютка Эдмунд на руках у няньки, Памела на четвереньках и Эмили, которая немедленно перевернула стакан. Глядя на своих родственников, я почему-то вспомнила вылупляющихся по весне головастики.

Потом тетушка Дженет взяла меня за руку и подвела к детям леди Бертрам, которых вся эта кутерьма словно бы вовсе не касалась.

ТЕТУШКА ДЖЕНЕТ

Филип, Лидия, Энн, познакомьтесь: это ваша кузина, Черити Тиддлер.

ЭНН (*фыркает*)

Черити Пф-ф-фидлер.

ТЕТУШКА ДЖЕНЕТ

Черити одиннадцать лет, как и вам, Энн.

ЭНН

Да неужели пф-ф-ф?

Энн, с нежно-округлыми щеками, безмятежными голубыми глазами и локонами, которые ее нянька завивала каждое утро, показалась мне совсем ребенком. Тринадцатилетнюю Лидию тетушка Дженет назвала красавицей и вылитой копией матери: у Лидии было надменное лицо, удлиненную форму которого подчеркивал огромный бант в волосах, и, как мне показалось, слишком много зубов.

Кузен Филип, двумя годами старше Лидии, сидел с видом утомленным и преисполненным достоинства. Белокурые, аккуратно и чисто одетые в наряды из светлого тонкого муслина, все трое смотрели на меня так, словно я – чернявая девчонка, нацепившая на себя мешок из-под картошки.

ТЕТУШКА ДЖЕНЕТ

Присаживайтесь, Черити. Хотите молока к чаю?

Я посмотрела на нее с любопытством. Она первая из всех взрослых не внушала мне робости. Ей вполне могло быть тридцать лет, а могло быть и пятьдесят. Серое бесформенное платье свидетельствовало о том, что время поисков супруга осталось для нее позади.

Зимнее небо сияло лазурью, и больше всего мне хотелось выйти побегать на воздухе. Но Энн и Лидия, едва переступив порог малой гостиной, уселись за круглый столик у камина и принялись вырезать фигурки из золотой фольги. Их брат возлежал на софе, пролистывая книжку с картинками.

ТЕТУШКА ДЖЕНЕТ

Чем хотите заняться, Черити?

Я смутилась и опустила голову под взглядами кузин. Энн фыркнула. Оказалось, что фыркать можно не только во время беседы, но и вместо нее. Дженет предложила партию в «Желтого карлика». Энн предложила в ответ лото.

ФИЛИП

Ну уж нет. Лото для малышни. Разве что моя кузина хотела бы сыграть?

За его любезностью явно скрывалась насмешка.

Я

Я бы предпочла погулять.

К моему удивлению, Лидия тотчас отложила ножнички в сторону.

ЛИДИЯ

Да, да, пойдемте на свежий воздух!

Тут же поднялась суматоха. На свежий воздух! Где моя шубка? Куда делась муфта? Люси, капор и ботинки! Эдмунд требовал, чтобы на улицу его вынесла тетушка Дженет: «Женьеть, Женьеть, на лючки!»

В парке я сразу почувствовала свое превосходство над родственниками. В отличие от них, я не боялась запачкаться: на черном подоле грязь все равно не видна. За кованой оградой поместья Бертрам простиралась равнина, сверкающая инеем на солнце. Искристый воздух ударил мне в голову, и я не задумываясь понеслась вниз по тропинке, быстро перебралась через изгородь на другую сторону. Мое сердце рвалось из груди от счастья. Маленькая жительница Лондона увидела наконец мир, огромный мир!

ТЕТУШКА ДЖЕНЕТ

Че... Черити! Надеюсь, нам не придется вас спасать. Вы так потеряетесь!

Она запыхалась, капор съехал набок, а шиньон растрепался. Тогда я вспомнила, что мне не все дозволено.

Я

Простите, тетушка Дженет. У меня ноги затекли, я только хотела чуть-чуть размяться...

Была бы моя воля, я бы гуляла часами. Но Лидия вскоре пожаловалась на тесные ботинки, а у Филипа прихватило сердце. Оказавшись снова в гостинной, все признали, что прогулка получилась чудесная, в первую очередь те, кто больше всех хныкал на воздухе. Но тут Филип, бледнея и кривясь, рухнул на диван.

ТЕТУШКА ДЖЕНЕТ

Филип! Бога ради, сядьте! стакан воды, живо! Расстегните ворот, дитя мое. Да принесите же кто-нибудь стакан воды для Филипа!

Тетушка Дженет размахивала руками и металась по комнате, будто взволненная курица-наседка.

ЛЕДИ БЕРТРАМ (*входит*)

Дженет, ну сделайте же что-нибудь! Видите, дитя страдает. Вы прекрасно знаете, я не вынесу, если мне придется за ним ухаживать.

На глазах у нее выступили слезы, Филип мало-помалу воскрес, а тетушка Дженет залпом выпила принесенный стакан воды.

Обед прошел весело: мы сидели отдельно от взрослых, в классной комнате, временно служившей детской столовой. Все объелись до тошноты пирожными с кремом. Я будто оказалась в другом мире, где детям разрешалось шуметь и требовать лимонад.

После обеда кухни снова взялись за вырезание из фольги, а Филип – за книгу с картинками. Тетушка Дженет, которую одолевала дремота, больше не предлагала поиграть в «Желтого карлика». За окном кружились снежинки, и мне так хотелось выбежать их ловить! Вдруг я почувствовала, что рядом со мной кто-то тоже смотрит в окно.

ЛИДИЯ

Кеннет опаздывает!

ФИЛИП

Из-за снега. На его месте я бы вообще не приехал.

ЛИДИЯ

Ну нет, он приедет!

По ее возбужденному голосу я заключила, что приезд Кеннета был очень важен. Филип предложил отправить за ним кучера.

ТЕТУШКА ДЖЕНЕТ

Экипаж только для взрослых, Филип.

Все младшее поколение семьи Бертрам надулось. Жизнь без пресловутого Кеннета, кажется, теряла всякий смысл.

ЭНН

Вон он! Вон он!

Лидия подбежала к окну и забарабанила по стеклу пальцами. Кузены меня и так едва замечали, а как только Кеннет переступил порог гостиной, я для них вовсе исчезла.

КЕННЕТ

Будем играть в «Хватай дракона»!

Ни тебе «здравствуйте», ни «хотите ли вы?». Пальто, словно еще раздувавшееся от уличного холодного ветра и запорошенное снегом, он отряхнул прямо на ковер. Потом, чтобы показать, как замерзли его ладони, он прижал их к щекам Лидии. Лидия оттолкнула его с пронзительным возгласом, но вид у нее был уже не такой надменный, как прежде.

Кеннет заявил, что игра в «Хватай дракона» – лучший способ согреть руки. Тетушка Дженет выложила на тарелку слой изюма и залила его спиртом. Кеннету выпала честь все это поджечь, а потом каждый из нас должен был выхватывать из огня изюминки. Меня не пугало низкое синее пламя, но, так как путь к тарелке пришлось бы прокладывать локтями, мне было достаточно издали наблюдать, как остальные корчат рожи и прыгают вокруг стола.

Знаю, я до сих пор не описала Кеннета. Но как описать того, кто неуловим, подобно блуждающему огоньку? Ему было тринадцать, как и Лидии.

В попытке всех уговорить тетушка Дженет достала свою коробку с «Желтым карликом».

КЕННЕТ

О нет, Дженет, помилосердствуйте! Давайте лучше в жмурки!

Кеннет был единственным из детей, кто называл ее просто по имени, без «тетушки». Иногда казалось, что тетушка Дженет вот-вот сделает ему замечание, но она так ничего и не сказала. Мы затеяли игру в жмурки, и, когда выпало водить Кеннету, началась безудержная веселая кутерьма. Малыши сбивались с ног, и, думаю, в доме не осталось ни одного острого угла и дверной ручки, за которые бы они не зацепились. Но ни ссадины, ни шишки никого не останавливали. Тетушка Дженет бегала туда-сюда и тревожно кудахтала. Кеннет так явно жульничал, что даже не имело смысла его уличать. Загнав Лидию в угол гостиной, он делал вид, что никак не может ее узнать. Он ощупывал ей лицо, ворошил волосы, трогал за плечи, высказывая нелепые догадки: «Это Эдмунд? Дженет?» Наконец Лидия резко его оттолкнула. Щеки горели на ее бледном лице.

Когда Кеннет собрался уходить, все вдруг заметили, что уже стемнело. Тетушка Дженет позвонила, чтобы в гостиную принесли свечи, и тут Кеннет вдруг повернулся ко мне и спросил, кто я такая.

Я

Меня зовут Черити Тиддлер.

КЕННЕТ

Ого! Че-ри-ти⁴. Должно быть, приятно носить такое имя.

И всё. Но этого хватило, чтобы Лидия прыснула со смеху.

Тем же вечером у себя в комнате я нарисовала Лиса – пожирателя куриц. Над Лисом я написала:

Кеннет

На следующий день было Рождество. С утра тетушка Дженет отвела детей в большую гостиную, откуда вынесли мебель и ковры, готовясь к балу. Там нас уже ждали родители, которые как ни в чем не бывало переговаривались, словно не замечая перед собой чудо из чудес. Зато дети разом ахнули от восхищения.

Рождественская ель была огромной. В моих воспоминаниях она корнями уходила в паркет и чуть ли не протыкала верхушкой потолок. На ней горели тысячи свечей, она была залита золотом и светом, увешана изумительными подарками. На ветках красовались восковые куклы, книжки с картинками, перочинные ножики, волчки и бубны, солдатики и деревянные шпаги, апельсины, мишура, сверкавшая ярче бриллиантов, конфеты в обертках-бантиках и куклы-марионетки. Были и полезные подарки для барышень: перочистки, игольные подушечки, флаконы с нюхательной солью и записные книжки для балов... Под елкой стоял Ноев ковчег с откидывавшейся крышей – кажется, ни одно животное в нем не было забыто, пусть даже

⁴ Charity (англ.) – милосердие.

коровы и собаки подозрительно походили друг на друга. Я влюбилась в кукольный домик, в котором были настенные часы, миниатюрное ведерко для угля, жареная курица из папье-маше и жестяной разделочный нож, изгибающийся при попытке им что-либо разрезать. Эдмунд тотчас оседлал лошадь-качалку, и никакая сила не заставила бы его с нее слезть. Лидия перебирала содержимое роскошной шкатулки для шитья с серебряным наперстком и позолоченными ножницами. Энн пробовала засахаренные сливы и ревень из коробки с цукатами. А мне – ах! Какой добрый гений, какой умница-эльф принес мне в подарок то единственное, о чем я могла мечтать? Коробка с красками! Прижимая подарок к груди, я увидела маму, глядевшую на меня с нежностью, и папу (порой я сомневаюсь, не привиделось ли мне это)... папу, который мне улыбался!

Наступил вечер, а потом ночь. Снег падает хлопьями, оконные стекла дрожат от ветра. В гигантском камине гостиной гудит огромное пламя. Нарядные гости стекаются на праздник к Бертрамам: одни просто спускаются по лестнице, другие прибывают из соседней деревушки – кто в экипажах, кто пешком: преподобный отец Браун с женой и тремя дочерьми, галантерейщик и доктор, булочник и нотариус. Всех у входа встречает тетушка Дженет, потому что леди Бертрам, увы, не выносит сквозняков. Ее супруг, сэр Филип, по случаю праздника прибыл из Лондона и даже удостоил беседой моего папу (да-да, оказывается, папа все же умеет беседовать!). Вместе с родителями приехали малыши, многие пугаются или капризничают. Среди детей постарше я вижу Кеннета и между прочим узнаю, что он – единственный сын миссис Эшли.

А потом раздается тройное тук-тук-тук – и флейты и скрипки оглашают гостиную звуками контрданса «Сэр Роджер де Каверли». Первыми становятся тетушка Дженет и сэр Филип, за ними – мой папа с леди Бертрам. И еще пятнадцать пар, усердно повторяющие каждое их движение: взялись за руки, мулине, реверанс, разворот, проход через пары – и все по местам. Но вот папина партнерша потерялась, дети путаются под ногами, и первая пара тоже распалась. Все смеются и встают уже для «Булочницы»: притоп, прихлоп, подскок! По правде говоря, все танцуют как попало. Леди Бертрам обмахивается веером. Жарко. Хочется пить. В золе потрескивают каштаны. Я счастлива, смотрю во все глаза и не могу наглядеться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.